

ФИЛОСОФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, НАУКА

НЬЮТонианская и квантово-релятивистская революции: различие стратегий

© Т. В. Филатов

Филатов Тимур Валентинович
доктор философских наук,
профессор

заведующий кафедрой философии

Поволжский
государственный университет
телекоммуникаций
и информатики

г. Самара
tfilatoff1960@mail.ru

В работе рассматривается различие стратегий двух научных революций. Указывается, что решающими в выборе стратегии являются не только внутринаучные, но и социальные соображения. Выделяются две стратегии революционных действий: танатологическая и эротическая.

Ключевые слова: научная революция, парадигма, лжеучение, релятивизм, пробабиллизм, объективность истины, относительная истина, знание и вера, «вывих мозга», танатологическое, эротическое.

Изжив себя, наука умирает...
Наверное, таков ее удел,
Она костром осенним догорает,
Уткнувшись в окончательный предел...

Впадая в преждевременную муку,
Мы размышлять пытаемся опять
Про пустоту и роковую скуку,
Которую не в силах воспринять.

И, подавившись роковым двуличьем,
Мы вновь страдаем, прошлое кляня,
Перенеся убогим безразличьем
Пустой фантом на пересуды дня.

1. В 1987 году в г. Алма-Ата, тогда еще являвшемся столицей Казахской ССР, чуть было не названной в двадцатые годы по ошибке Киргизской, когда в Средней Азии происходило национальное размежевание, определившее по иронии судьбы современные политические границы этого региона, я слушал некий философский доклад¹, где одна из выступающих, пользуясь надвигающимся

¹ Диалектика. Наука. Практика. Тезисы выступлений участников 3-их региональных чтений

Ньютонианская и квантово-релятивистская революции: различие стратегий

тогда «перестроечным» бардаком, предложила писать философские статьи в виде поэм, как делали это античные авторы.

2. Означенная идея запомнилась на долгие годы. Действительно, зачем придавать философии заведомо чуждую ей наукообразную форму? Не лучше ли вернуться к истокам, ориентируясь на непревзойденные классические образцы, типа знаменитой поэмы Парменида «О природе»?² Увы, подобное начинание было бы заведомо абсурдным, как, впрочем, и все другие «перестроечные» начинания, завершившиеся впоследствии глобальным Чернобылем. Наукообразность философии — необходимое зло, делающее ее узнаваемой при соответствующем сегодняшнему дню концептуальном раскладе. Мимикрируя друг под друга, различные виды интеллектуальной деятельности стремятся придать себе форму качественно иного; при этом соображения адекватности той или иной дежурной интерпретации играют заведомо подчиненную роль, позволяя решать скорее утилитарно-тактические, нежели глобально стратегические задачи.

3. Парадоксально, но через всю историю познания красной нитью проходит некая неискренность, когда отрицание старого дозируется целесообразностью его интеграции в новое. По этой причине предшествующее в познании иногда можно просто отбросить как заведомо ложное, тогда как в иной ситуации ему сознательно придается форма относительно истинного. Выбор же той или иной стратегии определяется вовсе не объективной значимостью соответствующих концептуальных конструкций, а субъективно-прагматическими соображениями тех или иных пассионарных групп.

Данный тезис я попытаюсь проиллюстрировать посредством сравнительного анализа стратегий двух крупнейших научных революций: ньютонианской и квантово-релятивистской.

4. Согласно классическому определению Т. Куна, научная революция имеет место только тогда, когда происходит смена парадигм³, представляющих собой признанные всеми научные достижения⁴. В результате ученый оказывается в новом мире перевернутых ценностей, где минусы становятся плюсами и наоборот. Если ничего подобного не происходит, то и говорить о революции не приходится. Последнее особенно важно, с учетом некорректно-расширительного употребления термина «научная революция» в отечественной философии науки, когда любое мало-мальски значительное научное достижение торжественно объявлялось революционным.

5. Истоки подобной некорректной расширительности вполне очевидны, учитывая реалии новейшей истории российского социума, коллективное сознание которого долгое время предопределял «Великий Октябрь». По этой причине революции, в соответствии с Марксом, интерпретировались как локомотивы истории⁵, т. е. априорно положительно, чего нельзя сказать о

молодых ученых республик Средней Азии и Казахстана. 9-10 сентября 1987 года. Алма-Ата, 1987.

² См.: Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М.: Наука, 1989. 576 с.

³ Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. С. 128.

⁴ Там же. С. 28.

субпассионарном сознании российского общества последних двух столетий, чей вектор резко качнулся в сторону осознания катастрофизма революционности. И научные революции в этом смысле, конечно же, не могут быть исключениями, демонстрируя не столько прорыв, сколько слом, отказ от изначального гносеологического идеала и, соответственно, его понижение.

6. Революция — это всегда экзистенциальный крах, осознание ошибочности своего предшествующего бытия, вследствие чего индивид перемещается в иллюзию гораздо более серую, нежели предшествующая, что наивно воспринимается им как большая степень реалистичности. Здесь вспоминается известный юморист-вольнодумец Марк Твен, который как-то пронизательно ответил на вопрос, что же придет на смену христианству: «Другая религия, только гораздо более глупая!»⁶.

7. Утешением здесь может выступать, пожалуй, лишь то обстоятельство, что в историческом плане подлинные революции аномально редки. В этом смысле такие значительные научные достижения, как термодинамика Карно-Клаузиуса⁷, электродинамика Фарадея-Максвелла⁸, периодический закон Менделеева⁹, кибернетика Винера¹⁰, научными революциями не являются, поскольку они не инициировали ниспровержение каких-либо классических, устоявшихся норм и представлений. Напротив, коперниканская революция¹¹ рушила геоцентрический мир Аристотеля и Птолемея, равно как и ньютоновская революция, переместившая человечество в принципиально иную физическую реальность, нежели безынерционная реальность аристотелевского мира.

8. На последнем хотелось бы остановиться особо. Новая наука Галилея-Ньютона предполагала последовательное отрицание предшествовавших аристотелевских представлений, господствовавших в культуре на протяжении двух тысячелетий. Например, существует красивая легенда, согласно которой Галилей бросал шары с Пизанской башни, дабы практически опровергнуть закон падения тел Аристотеля. Конечно, означенного события в действительности никогда не было, но суть антиаристотелевской позиции

⁵ Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1870 г. // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 7. С. 87.

⁶ Твен М. Дневник Адама (Сборник публицистических произведений). Киев : Политиздат Украины, 1985. С. 27.

⁷ Карно С., Клаузиус Р., Томсон В. (лорд Кельвин), Больцман Л., Смолуховский М. Второе начало термодинамики. Антология / под ред., коммент. и предисл. А. К. Тимирязева. 2-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 312 с.

⁸ «О фарадеевых силовых линиях» (см.: Максвелл Дж. К. Избранные сочинения по теории электромагнитного поля. М. : ГИТТЛ, 1952. С. 11—88).

⁹ Менделеев Д. И. Периодическая законность химических элементов // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890—1907.

¹⁰ Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / пер. с англ. И. В. Соловьева и Г. Н. Поварова ; под ред. Г. Н. Поварова. 2-е изд. М. : Наука : Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. 344 с.

¹¹ Kuhn T. Copernican revolution, Camb., 1957.

отцов «новой науки» ухвачена в этом мифе достаточно четко. Галилей предстает здесь в качестве революционера-ниспровергателя, непримиримого борца с лженаучными заблуждениями, в уста которого вкладываются никогда не произнесенные им слова: «А все-таки она вертится!» Здесь все лапидарно просто: истина и заблуждение, правда и кривда, герои и злодеи.

9. Аналогичным образом Торричелли¹² экспериментально доказывает существование пустоты, опровергая известный аристотелевский тезис о том, что природа ее якобы боится. И не важно, что соответствующее открытие было сделано им, по существу, случайно, без далеко идущих планов окончательного ниспровержения аристотелизма. Важен конечный результат, когда торричеллиева пустота становится последним гвоздем, вбитым в гроб аристотелевых заблуждений. В результате в науке возникает двусмысленная ситуация, когда практически все естественнонаучные идеи крупнейшего мыслителя античности интерпретируются как ложные, вследствие чего он становится создателем **одного из величайших лжеучений в истории человечества**.

10. В подобном историческом контексте ньютонизм торжествует, выступая в качестве объективной истины, свет которой приходит на смену бесконечной ночи средневековой аристотелевской лжи. Ньютоновская революция порождает новые пустые замыслы, а сам Ньютон был искренне убежден, что открыл законы, по которым Бог сотворил мир. Проводя очевидные исторические параллели здесь, на наш взгляд, уместно вспомнить марксизм-ленинизм, интерпретировавшийся его создателями в качестве единственно истинного философского учения, открывшего человечеству некую кардинальную истину, которая ускользнула от создателей исторически предшествовавших марксизму философских систем, которые, по большей части, чего-то не поняли, не смогли и недооценили.

11. Увы, эпоха революционных заблуждений всегда оказывается сравнительно недолгой. Иллюзорный мир, воздвигнутый Ньютоном в конце XVII-го столетия, был разрушен уже в начале XX века усилиями Эйнштейна и создателей квантовой механики, что сопровождалось очередным понижением гносеологического идеала в сторону релятивизма и пробабилизма. В отличие от своих классических предшественников, неклассические ученые более не пытаются проникнуть в божественные замыслы, ограничиваясь объяснительными схемами, которые просто работают, не являясь при этом безальтернативными. Более того, неклассическая наука начала XX века, в отличие от своей классической предшественницы, не стремится к некоей абсолютной логической целостности, будучи логичной лишь фрагментарно, в рамках локальных концептуальных систем. Например, квантовая механика и теория относительности, в строгом смысле, логически не коммутируют, что не позволяет механически объединить их

¹² Кудрявцев П. С. Эвангелиста Торричелли: к 350-летию со дня рождения. М. : Знание, 1958. 22 с.

в некую единую теорию поля¹³, идею построения которой вынашивал еще Эйнштейн.

12. Суммируя экзистенциальный опыт революционизма, можно прийти к парадоксальному выводу. Поскольку революция — это всегда понижение соответствующего экзистенциального идеала, кардинальная или абсолютная революция предполагает упразднение означенного идеала вообще, т.е. прекращение существования, *самоубийство*. Например, в юношеском возрасте практически каждый вменяемый индивид вынашивает поистине наполеоновские замыслы. Однако, проходя через тернии разочарований и заблуждений, он раз за разом вынужден суживать свои экзистенциальные проектирования, становясь при этом все более реалистичным, т.е. мудрым, пока все, наконец, не упрется в тривиальную крышку гроба. Парадокс при этом заключается в том, что означенная крышка была достижима изначально, но индивид, по Хайдеггеру, экзистирует не собственным и не подлинным образом¹⁴, переходя от одной иллюзии к другой до тех пор, пока не убеждается, что рушить больше нечего и, следовательно, нечем жить.

13. В этой связи можно констатировать, что ньютоновская революция, как и все прочие революции, не была кардинальной, что, в окончательном итоге, и погубило ньютонизм. Мир Ньютона был воздвигнут на обломках мира Аристотеля, но *основание устояло*, а оно представляло собой аристотелевскую логику и эпистемологию. В этом суть. Релятивизм Эйнштейна идейно восходит к учению Протагора, провозгласившего человека мерой всех вещей¹⁵: у каждого своя истина, и нет истины, общей для всех людей. Подобного рода представления подвергались критике Сократа, Платона и Аристотеля, настаивавших на бытии некой объективной истины, единственность которой и ее одинаковость для всех автоматически приводят к тому, что означенной Истине с большой буквы могут противостоять только заблуждения.

14. По-видимому, данный эпистемологический ресурс в наибольшей степени подвиг Платона к идеализму, к разделению сферы бытия на истинный мир идей и ложный мир вещей, причем в пользу истинности первого свидетельствует, главным образом, единственность идеи в противостоянии совокупности ее несовершенных вещественных воплощений, множественность и вариативность которых — главное доказательство их ложности. Аристотель отрицает платоновскую концепцию двух миров, не идя, однако, в своем отрицании назад к релятивизму софистов. Напротив, в своей логике он осуществляет опровержение софистических утверждений¹⁶, обосновывая их логическую неправильность. В аналогичном ключе относится к релятивизму и Ньютон, с той только разницей, что аристотелевское естествознание

¹³ Dreams of a Final Theory. Steven Weinberg. Pantheon Books, 1992.

¹⁴ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 254.

¹⁵ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. С. 375.

¹⁶ Аристотель. О софистических опровержениях // Сочинения в 4 т. / Аристотель. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 535—593.

в контексте его физики рассматривается как очевидное заблуждение.

15. Однако в XX-м веке пробил час триумфального возвращения релятивизма. Причем, истоки этого загадочного возвращения следует искать за пределами науки. На это, в частности указывает П. Фейерабенд, обнаруживая тенденцию борьбы «плюрализма и монизма»¹⁷, т.е. релятивизма и объективизма, не как внутринаучную, а как общекультурную. Так в социальном плане средневековый цехово-сословный корпоративизм порождает две полярные тенденции, глобальная сшибка которых предопределила историю новейшего времени: буржуазный индивидуализм ницшеанского сверхчеловека¹⁸ и гассетовское «восстание масс»¹⁹.

16. Примечательно, что трупные пятна релятивизма вызревали уже в недрах немецкой классической философии, на абсолютной вершине монистического духа. И Кант с его критикой разума²⁰, и особенно Фихте, положивший в основу философствования чистое Я²¹, подготавливали всем этим кардинальное релятивистское отрицание классики. Наконец, у Штирнера в его единственной подлинно философской работе «Единственный и его собственность»²² осуществляется кардинальный гносеологический поворот, когда субъект не воспринимается более в качестве пассивного отражателя объективной истины, а, наоборот, означенная истина превращается в собственность субъекта, который вправе видеть мир со своей особой точки зрения, пусть даже вопреки общепринятому видению.

17. Последнее впервые стало материально-ощутимо в изобразительном искусстве, где реализму и академизму бросают вызов экспрессионистско-импрессионистские течения, постепенно вырождающиеся в абстракционизм и сюрреализм. Художник вправе видеть мир по-своему, субъективно и релятивно, не сообразуясь при этом с общепринятым видением. Затем эта тенденция, как волна, идет далее, охватывая близлежащие сферы искусства, такие как музыка и литература, чтобы впоследствии захлестнуть религиозную и политическую сферы, сокрушив, в конечном итоге, самую мораль.

18. На фоне подобных процессов наука постепенно оказывалась в изоляции как последний бастион монизма, и потому прихода Эйнштейна ждали как прихода мессии, окончательно освобождающего человечество от платонистически-аристотелева одномыслия²³. Именно поэтому он становится для своего времени чем-то значительно большим, нежели просто выдающийся ученый. В холодный мир ньютоновских абстракций, где познающий субъект сознательно элиминируется, выносятся за скобки, он привносит некое

¹⁷ Фейерабенд П. Ответ на критику. Структура и развитие науки. М.: Прогресс, 1978. С. 459—460.

¹⁸ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 5—238.

¹⁹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2008.

²⁰ Кант И. Соч. в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.

²¹ Фихте И. Г. Соч. в 2 т. Т. 1. СПб.: Мифрил, 1993. 687 с.

²² Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994. 558 с.

²³ Оруэлл Дж. Литература и тоталитаризм // «1984» и эссе разных лет / Дж. Оруэлл. М.: Прогресс, 1989.

человеческое начало, пусть даже в скромном качестве «наблюдателя». Тем самым собственное видение мира, отличное от общепринятого, не рассматривается более как девиация, поскольку в теории относительности общепринятого, в смысле абсолютной системы отсчета, больше нет. Есть лишь локальные системы, каждая из которых имеет право на существование, как рядоположенная наряду со всеми прочими.

19. На фоне парадоксов теории относительности из поля внимания большинства исследователей науки ускользает тот факт, что квантовая механика гораздо более революционна, поскольку она порывает с линейно-детерминистическими схемами классики, унаследованными последней от Аристотеля и нашедшими наиболее полное отражение в концепции т.н. **лапласовского детерминизма**²⁴. Достаточно мощный ум, обладая знаниями о координатах и импульсах всех атомов Вселенной, способен сколь угодно далеко предсказать ее будущее, равно как восстановить ее прошлое. Принцип неопределенностей Гейзенберга²⁵ как раз и постулирует невозможность одновременного знания координат и импульсов элементарных частиц, что позволило Эйнштейну в полемике с Бором настаивать на т.н. «неполноте» квантовой механики, бросив напоследок едкую фразу, вошедшую впоследствии в историко-научный фольклор: «Я не верю, что Бог играет в кости»²⁶.

20. Субъективизм квантовой механики гораздо более кардинален, нежели субъективизм теории относительности, перерастая в своем логическом пределе в субъективный идеализм. Действительно, основополагающий принцип квантовой механики — соотношение неопределенностей²⁷ — не просто выводит познающий субъект из гносеологической тени, но и делает его центром смыслового притяжения. Рассмотрим, например, многоэлектронную модель атома. Почему электроны, находящиеся на внутренних орбитах, не сталкиваются своих собратьев, находящихся на внешних орбитах, с их орбит? Последнее однозначно имело бы место, если бы орбитальные электроны предполагали точечную локализацию. Но принцип неопределенностей исключает это, вследствие чего можно говорить только о распределении вероятностей нахождения электрона в определенных точках своей орбиты. По этой причине заряд электрона оказывается как бы «размазанным» по орбите, вследствие чего выталкивания внешних электронов с их орбит не происходит.

21. Проиллюстрируем сказанное простым «макропримером». Мы легко можем разглядеть лопасти покоящегося вентилятора, предельно точно локализовав их в пространстве. Однако когда вентилятор приходит в движение, означенные лопасти сливаются в некое полупрозрачное «об-

²⁴ Лаплас П. С. Изложение системы мира. М.: Наука, 1982. 376 с.

²⁵ Heisenberg W., Über den anschaulichen Inhalt der quantentheoretischen Kinematik und Mechanik, Zeitschrift für Physik, 43 1927. PP. 172—198.

²⁶ Брайен Д. Альберт Эйнштейн. Минск: Попурри, 2000. С. 256.

²⁷ Шредингер Э. К принципу неопределенностей Гейзенберга. Избранные труды по квантовой механике. М.: Наука, 1976. С. 210—217.

лачко», которого, конечно же, реально не существует, но мы способны воспринимать движущийся вентилятор только так. Следуя теперь Лапласу, представим себе «достаточно мощный ум», способный «разглядеть» эти движущиеся лопасти, равно как и электроны, движущиеся в ядре по своим орбитам. В этом случае электроны удастся локализовать точно, что парадоксальным образом приведет к распадению в мире всех химических связей и, как следствие этого, к его упразднению. Иначе говоря, мир существует только благодаря специфике нашего восприятия мира, а это и есть субъективный идеализм.

22. Суть, однако, не в этом. Глобальное ниспровержение ньютонизма с позиций крайнего релятивизма и субъективного идеализма не привело к его элиминации из науки как безнадежно ложной, отжившей свое теории, аналогично тому, как это ранее произошло с отвергнутым ньютоновцами аристотелизмом. В конечном итоге ньютоновство было интерпретировано как **относительно истинная теория**, утрачивающая свою адекватность только в экстремальных с точки зрения обыденного человеческого опыта условиях: при скоростях, близких к скорости света, в сильных гравитационных полях, в микромире. Иначе говоря, ньютонизм не был отвергнут революционерами XX века **кардинально**; он был почтительно включен в их системы как важный частный случай, как хорошее приближение к истине, вполне допустимое при решении практически значимых задач, рассматриваемых в плоскости, максимально приближенной к повседневности.

23. Между тем, и в случае аристотелизма подобная стратегия вполне могла бы сработать. Ведь Аристотель в своих построениях также опирался на обыденный опыт, который демонстрирует нам, что в большинстве случаев тело движется до тех пор, пока на него воздействует внешняя сила, легкие тела самопроизвольно устремляются вверх, а тяжелые — вниз, причем тяжелое тело падает тем быстрее, чем оно тяжелее. В этом смысле ньютоновские инерциальные системы отсчета, в которых не учитывается воздействие на тело диссипативных сил, столь же далеки от реальности, как черные дыры и бозоны Хиггса²⁸ современной науки.

24. С другой стороны, задача включения (или невключения) аристотелизма в систему нововременных представлений о мире видится нам не столько структурно-логической, сколько интерпретационно-ситуационной. Ведь не далее как в XIII веке блестящий интерпретатор Аристотеля Фома Аквинский непротиворечивым образом соединил материалистическое по своей сути учение греческого философа с объективно идеалистическим по своей сути теизмом католической церкви. Пусть Аристотель утверждал, что живое самопроизвольно возникает из неживого; «по слову Божьему», — добавляет к этому Фома. Пусть мир у Аристотеля приводится в движение неким загадочным «первым двигателем»; он ведь не знал, что в качестве такового выступает Бог и т.д. Создается впечатление, что грань между относительной истиной и ложью настолько тонка, что в качестве относительно истинного может

²⁸ Бодуш А. А. Введение в калибровочную полевую теорию электрослабых взаимодействий. 2-е изд., стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2003.

быть интерпретировано любое, сколь угодно абсурдное учение, лишь бы его основания хоть в какой-то степени были укоренены в здравом смысле повседневной обыденности.

25. Суммируя сказанное, можно констатировать, что причины кардинального неприятия аристотелизма классикой в противовес синтетическому подходу неклассической физики к ньютонизму следует искать **не в логической, а в социальной плоскости**, где прагматические соображения голей целесообразности порой пересиливают императив бескорыстного служения истине. Ньютонианцы оттолкнули аристотелизм вовсе не из любви к истине, равно как вовсе не релятивизм и субъективизм творцов неклассической науки, в конечном итоге, определил стратегию их отношений с низвергнутыми ньютонианцами.

26. Первое, на что следует обратить внимание в этой связи, — принципиальное сущностное различие двух революционных противостояний. Спор между квантово-релятивистами и ньютонианцами был, по существу, классическим внутринаучным спором, причем происходившим в период начала тотального доминирования науки в сфере культуры. Именно поэтому он не был по своей природе антагонистическим. Квантово-релятивисты вовсе не хотели «разрушить до основания» организационные структуры своих оппонентов, их вполне устраивал переход означенных структур под свой контроль.

27. Напротив, спор между ньютонианцами и аристотелианцами был внутринаучным только по видимости, скрывая за собой гораздо более глобальную проблему антагонистического противостояния науки и религии. Дело в том, что учение Аристотеля стало неотъемлемой частью средневекового религиозного мировоззрения, вследствие чего, отрицая Аристотеля, революционеры XVII века метили гораздо выше — в католическую церковь и папский престол.

28. Учитывая специфику духовной ситуации в современной России, где сегодня активно осуществляется процесс религиозного возрождения, следует сказать пару слов по этому поводу. Перефразируя Николая Кузанского с его концепцией «ученого незнания», можно отлить следующую формулу: **«Мы верим только в то, чего не знаем, и знаем только то, во что не верим»**²⁹. Будучи интегрированным в религиозную средневековую культуру, учение Аристотеля превратилось в такой же объект верования, как Священное Писание или труды отцов церкви. Но, в отличие от знания, которое может быть относительно истинным, **вера всегда абсолютна**: она либо есть, либо ее нет. Именно поэтому противоречие коперниканского гелиоцентризма библейской истории сотворения мира воспринималось как трагедия, потому что в этой связи начинал действовать принцип **«Единожды солгавши, кто тебе поверит?»** Учение Аристотеля как объект веры можно было только отбросить, свергнуть с того высокого пьедестала, куда водрузили его томисты, коварно ожидая при этом, что оно потащит за собой и все остальное, намертво с ним сцепленное.

²⁹ Николай Кузанский. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1979. С. 283.

29. Рассматривая различие между ньютонианской и квантово-релятивистской революциями, можно обратить внимание еще на одно, сугубо прагматическое соображение. Наука XVII-го века — это, по большей части, сугубо индивидуалистическое мероприятие, удел элитарных одиночек, которых по всей Европе насчитывалось не более тысячи человек. Напротив, к началу XX-го столетия в мире активно работало уже более 100 тысяч ученых, которые были в гораздо большей степени социализированы, нежели их ньютонианские предшественники. Именно поэтому ньютонианцы, без существенных материальных издержек, могли построить свою систему практически с нуля, параллельно организационным структурам аристотелевской науки, механистически вытесняя и уничтожая последнюю как нечто чуждое, подобно тому, как предки современного человека, в конечном итоге, уничтожили неандертальцев.

30. Что же касается релятивистов и пробабилистов начала XX века, то для них подобный революционизм выглядел бы крайне абсурдным и непрактичным, если не сказать невозможным. В результате они не стали разрушать мощную организационную структуру ньютонов, склонившись к использованию ее посредством перестройки и приватизации. Аналогичным образом маргинальная партия большевиков приватизировала окончательно развалившееся царское государство, мобилизовав бывших царских офицеров на службу в Красную Армию, вследствие чего большая их часть парадоксальным образом оказалась отнюдь не в рядах Белой гвардии, а на противоположной стороне. Еще одна очевидная аналогия — горбачевизм³⁰, когда пресловутые перестройка и приватизация, в конечном итоге, вылились в тривиальный обман ваучеризации.

31. В этом смысле ньютонизм представляется проще и честнее, потому что здесь явственно ощущается императив бескорыстного служения истине и своеобразная черно-белая логика. Квантово-релятивистская методика достижения успеха более запутана и, тем самым, лжива. Толкуя о компромиссе со старым, получающим статус относительно истинного, новое упраздняет его, но не в рыцарском противостоянии, а обманом, нарушая правила, по которым ранее шла игра. В результате мы получаем не сверхньютонизм, а нечто более универсальное, но в то же время более низкое, поскольку результат достигается здесь за счет существенного понижения методологических стандартов.

32. В целом, как нам представляется, переход от старого к новому предполагает задействование двух революционных стратегий, которые можно определить как **танатологическую и эротическую**. Первая заключается в том, что старое механически уничтожается, будучи вытесняемо в небытие. Впоследствии на освободившемся жизненном пространстве возникает новая конструкция и новая жизнь. Здесь на память приходит англосаксонский вариант колонизации Америки, когда местное население последовательно вырезалось, а жалкие его остатки, в конечном итоге, были загнаны в резервации. Как говорится, хороший индеец — мертвый индеец.

³⁰ Зиновьев А. А. Горбачевизм. Нью-Йорк, 1988.

33. Эротическая стратегия революционных действий заставляет вспомнить альтернативный англосаксонскому испанский вариант колонизации Америки. Кортес и его генералы первым делом пережились на индианках, что продолжалось и далее в нарастающей последовательности, приведя к рождению синтетического латиноамериканского этноса. Конечно, и в этом случае сопротивление индейцев подавлялось с жуткой жестокостью, но — и в этом заключалась своеобразная концептуальная лазейка — им предоставлялся **выбор**: либо жить традиционно и быть уничтоженными, либо принять **веру** угнетателей, интегрируясь в их структуры в качестве вторичного и второстепенного.

34. Аналогичным образом классические ученые старшего поколения вынуждены были склониться перед логикой релятивистов и пробабилистов, будучи не в силах принять ее, что обрекало их на положение ретроградов, пребывающих на периферии новой науки, т. е. на задворках, но не за пределами. Отсюда горькие слова одного из основоположников квантовой механики — Макса Планка: «Это неверно, что новые научные идеи пробивают себе дорогу в ходе рациональной дискуссии. Просто старое поколение ученых вымирает, и рождается новое поколение, привыкшее к ним»³¹. Тем самым предоставленный диссидентам выбор всегда **иллюзорен**, поскольку обрекает своих адептов на предательство по типу князя Курбского и генерала Власова, а также советских правозащитников второй половины XX века.

35. **Революция — это всегда насилие**. Соответственно, синтетический ее вариант приобретает естественную форму **изнасилования**. Например, «союз» (точнее: «сожительство») большевиков и бывших царских офицеров — вещь сугубо противоестественная, в отличие, например, от белого движения, куда представители соответствующей социальной прослойки шли по убеждению, а не из страха. Аналогичным образом противоестественно пребывание старого поколения ученых в новой релятивистско-пробабиллистской реальности, что обрекает их на роль **молодящихся старух**, стремящихся остаться на плаву посредством копирования молодежного «прикида» и воспроизведения тинейджерского сленга.

36. Что же касается квантово-релятивистского варианта научной революции, то по отношению к ньютонизму он выступает как **«вывих мозга»** и **изнасилование здравого смысла**. Но утопающий, как известно, хватается за соломинку. Именно поэтому серьезные ученые классики, оказавшись перед тяжелой дилеммой: жить во лжи или умереть в одиночку, выбрали первое, изображая понимание там, где его заведомо не могло быть. Даже такой глубокий мыслитель как Эрнст Мах, эволюционировавший в ходе своей жизни от физики к метафизике, не нашел в себе силы осудить эйнштейновскую теорию относительности **публично**, а только внутренне, для себя, что стало известно только после его смерти, когда были опубликованы его рукописи.

³¹ Планк М. Происхождение научных идей // Избранные труды / М. Планк. М.: Наука, 1975. С. 590—602.

37. Остается только суммировать сказанное. Но как? Переход к новому заведомо предполагает гибель старого; новая жизнь имеет своим источником исключительно **смерть**. И по большому счету не важно, в каких формах это осуществляется. Однако по мере превращения соответствующей культуры в цивилизацию происходит странная метаморфоза: в обществе уменьшается число убийств, зато растет количество самоубийств. В результате человек не просто должен уйти из жизни, но сделать это **самостоятельно**, вопреки воле безушечно горящих о нем сограждан, тем самым снимая с них, продолжающих жить, всякую ответственность за свое уничтожение. Аналогичным образом и ученый может сохранить свой профессиональный статус в революционный период, лишь держа нос по ветру, отрекаясь от того, что составляло подлинную сущность его жизни, чтобы убить себя, оставшись лишь призраком в соответствующем интеллектуальном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. О софистических опровержениях // Сочинения в 4 т. / Аристотель. — Т. 2. — М.: Мысль, 1978.
2. *Богущи, А. А.* Введение в калибровочную полевую теорию электрослабых взаимодействий. — 2-е изд. — УРСС, 2003.
3. *Брайен, Д.* Альберт Эйнштейн. — Мн.: Попурри, 2000.
4. *Винер, Н.* Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине: пер. с англ. И. В. Соловьева и Г. Н. Поварова; под ред. Г. Н. Поварова. — 2-е изд. — М.: Наука: Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. — 344 с.
5. Диалектика. Наука. Практика. (Тезисы выступлений участников 3-их региональных чтений молодых ученых республик Средней Азии и Казахстана). 9-10 сентября 1987 года. Алма-Ата, 1987.
6. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М.: Мысль, 1979.
7. *Зиновьев, А. А.* Горбачевизм. — Нью-Йорк, 1988.
8. *Кант, И.* Соч. в 6 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1964. — 799 с.
9. *Карно С., Клаузиус Р., Томсон В. (лорд Кельвин), Больцман Л., Смолуховский М.* / под ред., коммент. и предисл. А. К. Тимирязев. Второе начало термодинамики. Антология. Изд. 2. Серия: Физико-математическое наследие: физика (термодинамика и статистическая механика). — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 312 с.
10. *Кудрявцев, П. С.* Эвангелиста Торричелли: к 350-летию со дня рождения. — М.: Знание, 1958. — 22 с.
11. *Кун, Т.* Структура научных революций. — М.: Прогресс, 1977.
12. *Лаплас, П. С.* Изложение системы мира. — М.: Наука, 1982. 376 с.
13. *Маркс, К.* Классовая Борьба во Франции с 1848 по 1870 г. // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 7. С. 87.
14. *Менделеев, Д. И.* Периодическая законность химических элементов // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 томах (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890-1907.
15. *Николай Кузанский*. Соч. в 2 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1979. С. 283.
16. *Ницше, Ф.* Так говорил Заратустра // Соч. в 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1990.
17. О фарадеевых силовых линиях // Избранные сочинения по теории электромагнитного поля / Дж. К. Максвелл. — М.: ГИТТЛ, 1952. — 687 с.

18. *Ортега-и-Гассет, Х.* Восстание масс. — М. : АСТ, 2008.
19. *Оруэлл, Дж.* Литература и тоталитаризм // «1984» и эссе разных лет / Дж. Оруэлл. — М. : Прогресс, 1989.
20. *Планк, М.* Происхождение научных идей // Избранные труды / М. Планк. М. : Наука, 1975.
21. *Твен, М.* Дневник Адама (Сборник публицистических произведений). — К. : Политиздат Украины, 1985.
22. *Фейерабенд, П.* Ответ на критику. Структура и развитие науки. — М. : Прогресс, 1978.
23. *Фихте, И. Г.* Соч. в 2 т. Т. 1. — СПб. : Мифрил, 1993. — 687 с.
24. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. — М. : Наука, 1989. — 576 с.
25. *Хайдеггер, М.* Бытие и время. — М. : Ad Marginem, 1997.
26. *Шредингер, Э.* К принципу неопределенностей Гейзенберга. Избранные труды по квантовой механике. — М. : Наука, 1976.
27. *Штирнер, М.* Единственный и его собственность. — Харьков : Основа, 1994. — 558 с.
29. *Dreams of a Final Theory.* Steven Weinberg. Pantheon Books, 1992.
30. *Heisenberg W., Über den anschaulichen Inhalt der quantentheoretischen Kinematik und Mechanik, Zeitschrift für Physik, 43 1927, pp 172—198.*
31. *Kuhn, T.* Copernican revolution, Camb., 1957.